

Часть первая

СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава 1

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТАВЕРНЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

Сквайр¹ Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены убедительно просили меня рассказать все без утайки об Острове Сокровищ. Кроме, конечно же, географических координат острова, поскольку оттуда не вывезена еще часть клада. Уступая их просьбам, я берусь за перо в нынешнем 17... году и мысленно переношусь в то время, когда мои отец и мать содержали таверну «Адмирал Бенбоу»² и когда старый моряк со шрамом на лице неожиданно появился в нашем доме.

Я помню все, как будто это случилось только вчера. Тяжело ступая, он подошел к дверям таверны. За ним катили тачку с его морским сундуком. Незнакомец был здоровенным малым с загорелым и обветренным лицом. Длинные волосы косицами падали на воротник его грязной куртки. На заскорузлых, покрытых ссадинами руках темнели грязные обломанные ногти. Поперек одной щеки тянулся багровый сабельный шрам. Помню, как он оглянулся на залив, насвистывая под нос, а затем вдруг заорал старую морскую песню, которую потом так часто распевал:

---

¹ Сквайр — титул помещика, принадлежащего к джентри — нетитулованному английскому дворянству. Сквайры играли видную роль в жизни провинции, часто занимали различные административные или судебные должности.

² Адмирал Бенбоу (1653—1702) — английский адмирал, который благодаря своей отчаянной отваге стал героем матросских песен.

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пел он высоким, по-стариковски хриплым и надтреснутым голосом, напоминавшим скрипение вымбовки¹.

Затем он постучал в нашу дверь своей палкой, похожей на ганшпуг², и грубо потребовал у моего отца стакан рому. Когда ром был подан, он стал медленно потягивать его, смакуя с видом знатока и поглядывая то на берег, то на нашу вывеску.

— Недурная бухта, — пробормотал он наконец. — И неплохое место для таверны. А много ль народу у вас, хозяин?

Отец ответил, что, к сожалению, немного.

— Отлично, — сказал моряк. — Подходящее место для стоянки. Эй, малый, поди сюда! — окрикнул он человека, который катил за ним тачку. — Подъезжай поближе и помоги мне втащить сундук. Я здесь останюсь ненадолго. Я человек покладистый, — продолжал он. — Ром, свиная грудинка и яйца — вот все, что мне нужно, да еще этот утес в придачу, чтобы следить за проходящими судами. Как звать меня? Вы можете называть меня просто капитаном. Ах да, еще вот это!

И он швырнул на порог три или четыре золотых монеты.

— Скажете, когда потребуется доплатить, — прибавил он с надменным видом.

И в самом деле, несмотря на поношенную одежду и грубость в обращении, он все же не походил на простого матроса. Его скорее можно было принять за штурмана или шкипера, привыкшего командовать и раздавать зуботычины.

Человек, привезший на тачке сундук, сообщил нам, что моряк прибыл накануне утром с почтовым дилижансом в таверну «Король Георг» и расспрашивал там, какие есть еще

---

¹ Вымбовка — рычаг, служащий на парусных судах для подъема якоря вручную.

² Ганшпуг — рычаг для подъема и перемещения тяжестей на судах.

в округе таверны поближе к морю. Услышав добрые отзывы о нашей таверне и выяснив, что она находится на отшибе, он, как я полагаю, выбрал именно ее. Вот и все, что нам удалось узнать о нашем постояльце.

Обычно он бывал молчалив. Целый день слонялся с медной подзорной трубой у моря или среди скал, по вечерам же сидел в столовой в углу и потягивал ром. Когда с ним заговаривали, он, как правило, не отвечал — лишь свирепо поглядывал да посапывал носом, словно фаготом¹. Вскоре все привыкли к нему и оставили в покое. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он неизменно спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк? Сначала мы думали, что он ищет собутыльников, но вскоре заметили, что он, наоборот, старается избегать моряков. Если один из них, пробираясь береговой дорогой в Бристоль, заворачивал в таверну «Адмирал Бенбоу», то капитан сначала разглядывал его из-за портьеры и только потом входил, при этом он становился нем как рыба.

Я отметил для себя поведение капитана, а вскоре узнал и о его опасениях. Однажды он отвел меня в сторону и обещал вручать первого числа каждого месяца четыре пенса серебром, если я стану «смотреть в оба за моряком на одной ноге», а увидев такого человека, немедленно сообщу ему. Не раз, бывало, когда наступало первое число и я являлся к нему за деньгами, он только сопел и глядел на меня со злобой. Однако уже к концу недели сменял гнев на милость и выплачивал мне мои четыре пенса, снова приказывая «смотреть в оба за одноногим».

Признаюсь, что этот таинственный моряк мучил меня в ночных кошмарах. По ночам, особенно во время штормов, когда ветер сотрясал весь дом и прибой ревел, разбиваясь об утесы, он являлся мне во сне в самых дьявольских образах. То с ногой, отрезанной до колена, то с ногой, оттяпанной по самое бедро, то вообще в виде ужасного одноногого чудища. Страшнее

---

¹ Фагот — деревянный духовой музыкальный инструмент.

всего был сон, в котором он гнался за мной, перепрыгивая через изгороди и канавы. Как видите, мне приходилось дорого расплачиваться за свои ежемесячные четыре пенса.

Но хоть одноногий моряк и приводил меня в ужас, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем наши постояльцы. Иногда по вечерам он надирался сверх всякой меры и начинал буйствовать и горланить свои проклятые морские песни, не обращая ни на кого внимания. Порой он требовал, чтобы и остальные пили вместе с ним, и заставлял трепещущих от страха посетителей выслушивать его нескончаемые рассказы или подпевать хором. Частенько стены нашего дома содрогались от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», поскольку бедолаги попросту боялись старого дебошира и орали во все горло, лишь бы только не разозлить его. Во хмелю капитан становился страшен и неукротим. Он то грохал кулаком по столу, требуя тишины, то приходил в ярость, если к нему обращались с вопросом, то, наоборот, свирепел, если его ни о чем не спрашивали. Он не позволял никому из посетителей уйти из трактира до тех пор, пока сам не напивался до чертиков и, пошатываясь, отправлялся спать.

Его рассказы отчаянно пугали наших постояльцев. Это были жуткие истории о висельниках, об отчаянных храбрецах, о тропических штормах, о пустынях, о пиратских рейдах к берегам испанских владений. По его словам выходило, что он провел всю жизнь среди самых отвязанных негодяев, какие только ступали по земле или плавали по морю. Затеяливая брань, которой он обильно приправлял свои рассказы, пугала слушателей не меньше, чем описываемые им злодеяния.

Мой отец не раз говаривал, что наша таверна вскоре разорится, ибо посетители перестанут к нам заглядывать, чтобы не подвергаться издевательствам и не возвращаться домой, трясясь от страха. Но я придерживался иного мнения. Пребывание капитана явно приносило нам выгоду. Поначалу посетители пугались, но потом с удовольствием вспоминали

страшные истории нашего капитана — они будоражили воображение и вносили разнообразие в унылую деревенскую жизнь. Кое-кто из них называл нашего капитана «истинным морским волком», утверждая, что благодаря таким людям Англия и стала грозой морей.

Впрочем, в одном отношении капитан вполне мог содействовать нашему разорению. Он жил у нас неделю за неделей, месяц за месяцем. Деньги, которые он дал поначалу, давно закончились, а мой отец больше не мог выжать из него ни гроша. Стоило ему только намекнуть об этом, как капитан начинал свирепо сопеть, и мой бедный отец тут же улетучивался. Я видел, как он после такого отпора в отчаянии ломал руки, и уверен, что испытанное им при этом волнение во многом приблизило его преждевременную кончину.

За все время пребывания у нас капитан ни разу не сменил и не обновил своей одежды, только купил несколько пар чулок у разносчика. Поля его шляпы истрепались и обвисли, куртка покрылась пестрыми заплатами, так как он сам чинил ее в своей комнате наверху. Капитан никогда не писал и не получал писем и ни с кем не заговаривал, кроме соседей по столу, да и то лишь будучи в подпитии. И никто из нас ни разу не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только однажды этот грубиян получил достойный отпор. Это случилось незадолго до смерти моего отца. Как-то после полудня нас навестил доктор Ливси, осмотрел своего пациента, перекусил и спустился в общую столовую выкурить трубку и дожидаться, пока приведут лошадь, которую он оставил в соседней деревне, поскольку в нашей старой таверне не было конюшни.

Я последовал за ним и помню, какое впечатление производил доктор — приветливый, подтянутый, в завитом парике, осыпанном белоснежной пудрой, — по сравнению с угрюмыми деревенскими пьяницами. Но особенно разительным был контраст между доктором и нашим мрачным, грязным